

А. Ф. Мясников

Родился в 1886 г. Член КПСС с 1906 г. В 1917 г. являлся членом и руководителем большевистской фракции Фронтowego комитета, организатором и первым редактором большевистской газеты «Звезда». Председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) и Военно-революционного комитета Западной области и фронта. Главкомандующий войсками Западного фронта. В последующие годы занимал руководящие партийные, советские и военные должности в центре, Белоруссии и Закавказье. Трагически погиб при аварии самолета 22 марта 1925 г.

ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ

(Воспоминания ко дню первой годовщины «Звезды»)

История «Звезды» — это история нашей партии в Западной области и на Западном фронте. Центром партийной жизни был Минск, сыгравший крупную роль в культурной, общественной и революционной жизни России. В первые дни Февральской революции у нас, в Минске, как и в громадном большинстве других городов, не было своей отдельной организации, и мы питались «объединенной» смесью большевиков, меньшевиков, бундовцев, польских социалистов, интернационалистов и т. п. Впервые минские большевики фактически обособились 21 мая (по ст. стилю) прошлого года [1917 г.], когда на немногочисленном собрании избрали свой Временный комитет.

Лишь 4 июня произошел у нас с «объединенцами» (соглашателями) решительный и официальный разрыв, приведший к образованию уже Минского комитета РСДРП (большевиков) ¹⁾.

Помню, около этого времени Минский комитет выпустил свой манифест, провозглашавший основные принципы, как мы тогда выражались, революционной социал-демократии. Сколько шума поднял тогда этот манифест не только в рядах противников, но и друзей.

«Слишком» было смело и решительно. Тогда в Минске, ввиду опасности погромных элементов и штабного офицерства, наводнивших центр фронта и края, был образован так называемый Революционный комитет, где подавляющее большинство составляли, конечно, соглашатели. Сей комитет манифест нашей организации счел контрреволюционным воззванием и стал подумывать о немедленном изъятии его из обращения. Это обстоятельство обескуражило некоторых наших слабохарактерных товарищей; иные из нас даже находили, что тон и выражения манифеста слишком уж вызывающи, резки и необъективны, как, например, брошенные по адресу меньшевиков и эсеров слова «лжесоциалист» и «полуреволюционер». По поводу этого манифеста было созвано специальное летучее заседание во время одного из бурных собраний Минского Совета, на котором раздавались только что выпущенные листки манифеста. На заседании ряд видных товарищей (и большинство собравшихся), как Любимов... Михайлов [Фрунзе]... и другие, настаивали на том, чтобы, пока не поздно, приостановить раздачу прокламаций и пересмотреть текст манифеста. Комитетчики определенно отвергли это предложение. Тогда некоторые из примиренцев заявили, что они навряд ли останутся в среде таких непримиримых и «безответственных» большевиков.

И это весьма характерно было для того момента. Временный комитет окружало много старых и опытных, новых, молодых и способных партийных работников, называющих себя большевиками. Но большинство их как-то было запугано, забито, настроено на мирный лад, способно служить большевизму лишь на словах, а на деле работать с меньшевиками. Например, в тогдашнем Западно-фронтовом комитете немногим меньше половины членов его составляла социал-демократическая фракция, куда входили и большевики в количестве 10 человек. Это — из числа 75 членов всего комитета. Некоторыми товарищами все время неустанно доказывалась необходимость создания большевистской фракции, и это в тот период, когда партийная организация в Минске была оформлена и насчитывала около 200 членов; она имела свой комитет, уже не временный, признанный ЦК партии и пользовавшийся определенными симпатиями масс не только в городе, но и на фронте.

¹⁾ См. сноску на стр. 9. — *Ред.*

Мягкотелость и боязнь многих работников давали перевес чувству незаконного сожительства с меньшевиками, что объясняется сложившейся тогда обстановкой. Мне кажется, что мирно настроенные товарищи рассуждали так: революция достигла многого, на что охотно идут и меньшевики; с ними мы можем работать совместно, нечего нам думать о каких-то особых задачах пролетариата и самостоятельной роли большевизма. Рассуждения эти складывались психологически, вытекая из всего прошлого русской социал-демократии и из шаблона политической программы ее, общие места которой были заучены без всякого понимания их сущности и анализа жизни, рабочего движения и истории России последних лет. Если программа требовала Учредительного собрания, то, казалось, это является последним и законченным словом нашей политики; если программа-максимум выставлялась нами как отдаленная и конечная цель, то при этом думалось, что мы ее достигнем во всяком случае не в момент революции 17 года, а в процессе продолжающейся войны...

Еще с первых чисел июня некоторые из нас подумывали о создании своего литературного органа. Мне припоминается искренний и наивный смех одного из наших товарищей, теперь находящегося в рядах меньшевиков, который твердил все время: «Какими силами и на какие средства здесь, в Минске, можно издавать большевистскую газету, да притом, кто ее будет читать?»

Но мысль о собственном органе не покидала нас. Ведь на фронте стояли громадные массы измученных, исстрадавшихся, питавшихся большими надеждами солдат, совершенно не затронутых нашей агитацией, а почва была благодарная. По всему фронту и краю были разбросаны десятки и сотни тысяч милитаризованных рабочих, а белорусское крестьянство, в большинстве своем батрацкое, напрашивалось на организацию и политическое воспитание руками действительно социалистической партии. При условии политической жизни страны и, в частности, фронта и прифронтовой полосы в то время, когда буржуазно-соглашательский блок душил все живое, рабочее и коммунистическое, когда после 5 июля большевизм был объявлен строго запрещенным плодом и большевики считались вне закона, нашим единственным сильным и действенным оружием могло быть печатное слово, разносимое по всему громадному пространству кровавого поля и долины слез. Мы знали, что натолкнемся на большие препятствия, что наше слово не будет звучать непрерывно, но [у нас была] уверенность в том, что неравномерно, с перерывами брошенное семя попадет все же на нуждающуюся в нем почву. Сознание это все крепло и умножало нашу энергию.

Не было денежных средств. Собрав последние копейки снарядили одного из товарищей в Питер, в ЦК, с челобитной:

ссудить нам некоторую сумму денег для начала задуманного литературного предприятия. Надеялись и вместе с тем думали, что навряд ли ЦК примет во внимание просьбу молодой, неизвестной организации. Посланец вернулся с двумя тысячами рублей. Была же радость на нашей улице: на эти деньги мы могли иметь шесть целых номеров своей ежедневной газеты, а дальше все зависит от минских пролетариев, белорусских батраков и западных окопников.

Начались поиски типографии. Это было после 5 июля. Минские типографы в ужасе замирали от нас: «дураков мало, чтобы из-за большевистского листка поплатиться собой и своим семейством». Но вот мы попали к последней нашей надежде, к старому типографу с электрическими машинами, когда-то выпускавшему известный монархический «Северо-Западный край», добродушному старику, еврею Данцигу. Все члены семьи: дети, жена, сам владелец — в один голос спрашивают: «Какой партии газета?» Мы с товарищем спокойно величаво отвечаем: «Российской социал-демократической рабочей партии». По-видимому, это было сказано весьма внушительно и убедительно. Договор составлен, задаток и деньги за первые 5 номеров внесены, остановка за бумагой.

Все приготовления уже сделаны, даже предусмотрен свой состав наборщиков — из партийных товарищей. Метранпажем, выпускающим номер, вербовщиком и питающим рабочих, одним из наборщиков и даже одним из деятельных экспедиторов газеты состоял... тов. Альферов. Он же и участвовал в крещении нашей газеты, которую решено было в память одного из наших боевых центральных органов назвать «Звездой».

«Звезда» взошла 27 июля и рассыпалась по Минску, краю и фронту в 3 тысячах лучах.

Роль «Звезды» в деле собирания нашей партии была громадная. До того маленькая наша группа с появлением «Звезды» в течение августа выросла в большую центральную политическую организацию целого края. На общем фоне российской действительности и нашего партийного строительства «Звезда» была тем фокусом, откуда исходили во все стороны как на фронт, так и в провинцию (имея в виду центром области гор. Минск) лучи политического воспитания и общественного преобразования крупных солдатских, батрацких и рабочих элементов Западного края.

Августовская «Звезда» заложила крепкий фундамент нашего здания. Стройные коммунистические ячейки и крепкие большевистские организации стали фактом в общественной жизни Западной области. Центром их служила «Звезда».

Кто ее не знал? Кто из считающих себя большевиками или из сочувствующих большевизму не прислушивался к голосу «Звезды»? Кто из наших друзей не относился к ней с истинным благоговением? Одно только теплое чувство и большая любовь

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке